К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ТЕРРОРИЗМА И КОРРУПЦИИ

Магомедов Ш.Б., Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация, *kafedraconst@mail.ru*

Абдулатипов А.М., Центр профессиональной подготовки МВД по РД, Юридический колледж Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Российская Федерация, *tta-msshm@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию взаимосвязи терроризма и коррупции. Изучение динамики коррупционных правонарушений и террористических преступлений в разные исторические периоды показывает, что в период всплеска коррупционных проявлений наблюдается высокий темп роста наиболее опасных организованных форм преступлений террористической направленности и наоборот. Между распространённостью коррупции и терроризма имеется взаимная связь, чем выше уровень одного из этих явлений в том или ином регионе, тем благоприятнее почва для развития другого. Борьба с коррупцией является одним из основных криминологических мер снижения уровня террористической активности в определённой территории и наоборот. На основе исследования автор сделал ряд выводов и предложений, имеющих теоретическое и практическое значение.

Ключевые слова: терроризм, коррупция, организованная преступность, взаимосвязь, безопасность.

DOI: 10.21779/2224-0241-2019-32-4-141-147

UDC 343

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN TERRORISM AND CORRUPTION

Magomedov Sh.B., Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, *kafedraconst@mail.ru*

Abdulatipov A.M., Vocational training centre of the Ministry of Interior, Law College of the Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, *tta-msshm@yandex.ru*

The article is devoted to the study of the relationship between terrorism and corruption. The study of the dynamics of corruption offenses and terrorist crimes in different historical periods shows that during the surge of corruption manifestations there is a high rate of growth of the most dangerous organized forms of terrorist crimes and Vice versa. There is a mutual link between the prevalence of corruption and terrorism, the higher level of one of these phenomena in a given region, the more favorable soil for the development of the other. The fight against corruption is one of the main criminological measures to reduce the level of terrorist activity in a certain territory and vice versa. Based on the study, the author made a number of conclusions and proposals of theoretical and practical importance.

Key words: terrorism, corruption, organized crime, relationship, security.

DOI: 10.21779/2224-0241-2019-32-4-141-147

Современный период развития российского общества характеризуется повсеместным распространением коррупции. Она поразила всю государственную власть, привела нормальную систему правоотношений в обществе в теневую, криминальную сферу, создала «чёрные» рынки, «подпольную» экономику, сформировала серьезные изменения в правосознании граждан.

Как известно, коррупция является питательной почвой для криминальных явлений и, в первую очередь, наиболее опасных форм организованной преступности и терроризма.

В настоящее время антикоррупционная политика является одним из ключевых направлений государственной политики Российской Федерации. Указом Президента России от 29 июня 2018 года

утверждён «Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 годы», основной целью которого является повышение эффективности мер противодействия коррупционным проявлениям в различных сферах жизнедеятельности. В антикоррупционном плане особое место занимает система упреждения основных детерминантных комплексов коррупции.

В научной литературе отмечается, что характерной особенностью нынешнего времени для Российского государства является формирование системного подхода в сфере противодействия коррупции [1, с.10].

Несмотря на отсутствие у терроризма и коррупции общих понятийных связей, постановка вопроса о взаимосвязи терроризма и коррупции

правомерна, так как эти явления тесно взаимно переплетены с организованной преступностью, что подтверждается многочисленными исследованиями.

Как отмечают ученые, организованная преступность развивается в России благодаря коррупции, которая достигла невиданных размеров. Существует прямая зависимость между уровнем организованной преступности и коррупции в стране [2, с. 12].

По мнению А.И. Долговой, основным коррупционером становятся экономические и другие организованные преступники, террористические и другие организованные преступные формирования, контролируемые ими легализованные или легальные структуры [3, с. 30].

В настоящее время коррупция, организованная преступность, как и терроризм, превратились в опасные и долговременные дестабилизирующие факторы развития, и главные угрозы национальной безопасности Российской Федерации.

Детальный мониторинг и анализ причин, условий и факторов, способствующих формированию терроризма в современном мире, позволил сформулировать ряд тенденций терроризма, имеющих базовое значение для определения уровня угрозы и формирования антитеррористической политики. Среди них наибольшую опасность вызывает тенденция активного блокирования организованной преступности и терроризма. Основными причинами объединения являются: обоюдная заинтересованность друг в друге, оказание помощи, стабильное финансирование структур и формирований из различных международных и внутригосударственных криминальных источников [4, с. 12].

Данная связь подтверждается и при анализе понятия «терроризм», которое изложено в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», где терроризм рассматривается с двух позиций: во-первых, как идеология насилия; во-вторых, как практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанными с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

При этом идеология – это система политических, правовых, философских и иных взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности.

Практические же действия выражаются в применении различных форм физического и психического насилия на указанные субъекты в целях принуждения их к принятию решения для выполнения определённых противоправных требований террористов.

При изучении практических действий уместно рассматривать и ненасильственные действия, направленные на завоевание привилегий. К такому разумно отнести установление корруппи-

рованных связей. В целом речь идет об идеологии принуждения в целях приобретения господства и завоевания привилегий, использующей любые методы и средства. На практике осуществление такой идеологии представляется затруднительным без действий сплоченной организованной группы и коррумпированных связей [5, с. 41].

Об этом свидетельствует также анализ криминальной ситуации, сложившейся в нашей стране в 90-е годы прошлого столетия и продолжающейся по настоящее время. Деятельность террористических организаций в Северо-Кавказском и ряде других регионов во взаимосвязи с организованной преступностью и коррупцией за весь этот период представляла серьезную угрозу национальной безопасности не только на региональном, но и на федеральном уровне.

Аналитики отмечали небывалые размеры коррупции в органах государственной власти и местного самоуправления северокавказских субъектов Российской Федерации в сочетании с превалированием кланово-корпоративных, семейно-родственных отношений во властных структурах республик. По мнению Генерального прокурора России Ю.Я. Чайки, «практически все органы власти на Северном Кавказе поражены коррупцией». Современное кавказское коррумпированное сообщество заинтересовано в поддержании общего преступного фона – терроризма и экстремизма, безработицы, отсутствия квалифицированных кадров во всех сферах жизнедеятельности, миграционных процессов [6, с. 8].

И. Сайдиев отмечает, что как эксперт по вопросам противодействия экстремизму и терроризму может с твердостью заявить, что ничто так не влияет на рост протестных настроений, как коррупция и социальная несправедливость, хотя некоторые эксперты склонны отрицать или приуменьшать это влияние. Можно сказать, что основная категория молодежи, среди которой осуществлялась ранее (и осуществляется сегодня) вербовка, есть социально неустроенные группы. Социальное неустройство возникает по вине коррупционеров, которые не выполняют обязательства перед гражданами, закреплённые в законах Российской Федерации, в том числе воруют бюджетные деньги, которые отпускаются для поддержки социально необеспеченных граждан и т. д. [7].

Нами изучена взаимосвязь динамики коррупционных правонарушений и террористических преступлений в разные исторические периоды с момента развала СССР до настоящего времени. Уголовная статистика свидетельствует, что в советский период с 1960 по 1990 гг. терроризм был редким явлением в обществе. Уровень коррупции в этот период был также намного ниже, чем в последующие годы. В 90-е годы двадцатого столетия наблюдается наибольший размах терроризма, особенно его латентной составляющей.

Расширение теневой экономики, отсутствие нормальных рыночных конкурентных меха-

низмов и честных правил рыночной игры, недобросовестная приватизация, появление большого количества сомнительных неправительственных организаций, резкое имущественное расслоение общества, дискредитация права как регулятора общественных отношений, резкое ослабление противодействия экономической преступности и другие негативные процессы «развязали руки» криминальным элементам. Незаконное обогащение части общества привело к зарождению целого пласта криминальных группировок, которые занимались перераспределением незаконно полученного богатства.

Для понимания масштабности терроризма и коррупции в Республике Дагестан приведём статистические данные только за последние два года, когда оперативная обстановка в данных сферах значительно стабилизировалась по сравнению с предыдущими годами.

В 2018 году было выявлено 715 преступлений коррупционной направленности против 601 за аналогичный период прошлого года, из них тяжких и особо тяжких – 358 против 261; в крупном и особо крупном размерах – 146 против 111. Ущерб по оконченным уголовным делам коррупционной направленности составил – 746,7 млн руб., возмещено – 333 млн рублей (44,5%).

Выявлено фактов взяточничества – 243 против 213, в т. ч. по ст. 290 УК РФ – 74 против 50, из них в крупном и особо крупном размерах – 13 против 16; тяжкие и особо тяжкие – 74 против 47.

За этот же период на территории Республики Дагестан было зарегистрировано 447 (531) преступлений террористической направленности и 75 (87) экстремистской направленности. Выявлено 27 (28) фактов содействия террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), 301 (372) – организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем (ст. 208 УК РФ). Преступлений, квалифицируемых по статье 205 УК РФ (теракт), зарегистрировано одно (за прошлый год – 0).

Таким образом, как показывают результаты исследования, в период всплеска коррупционных проявлений наблюдается высокий темп роста наиболее опасных организованных форм преступлений террористической направленности и наоборот.

При этом бесконтрольная коррупция прямо влияет на формирование и укрепление организованных террористических структур. Материалы изученных нами уголовных дел о преступлениях террористической направленности, рассмотренных Верховным Судом РД, а также данные криминологического анализа свидетельствуют о наличии следующих этапов влияния коррупционных проявлений на формирование террористических структур:

- на начальном этапе формируются группы, которые ставят перед собой задачу насильственного отъёма у коррупционеров части незаконно нажитого имущества или денежных средств (представляя это как форму социального протеста, как

установление социальной справедливости) путём психического (угovor, угроза, шантаж, другие способы психического воздействия) или физического принуждения (нападения на коррупционеров, их жилища, офисы, заказные убийства, похищение человека, взрывы, поджоги, погромы и т. д.). При этом совершаемые ими преступления еще не носят системного характера, нет чёткого структурирования по определённым задачам, они часто распадаются вследствие привлечения членов группы уголовной ответственности или по другим причинам. Большинство населения выражает позитивное отношение к преступникам, что однозначно способствует дальнейшей криминализации соответствующего региона. Некоторые из этих групп численно возрастают, постепенно приобретая новые черты, которые рассмотрим далее;

- вышеназванные предпосылки способствуют в дальнейшем созданию террористических группировок с иерархической соподчиненностью в виде трёхуровневых структур с определенными криминальными функциями: исполнители (непосредственно совершают преступления под руководством главаря группы) – организаторы (в их задачи входит планирование, организация совершения преступлений, отдание указаний членам группы и контроль за их выполнением, формирование и контроль за финансовыми ресурсами, устранение оппонентов или соучастников, вербовка новых членов группы, подготовка их к совершению преступлений террористической направленности, нередко их используют в качестве «живой бомбы» («смертников»). Для таких террористических структур характерны большая степень специализации каждого участника преступления, а также высокий уровень конспирации. Например, коррупционеры, которые используют свои служебные полномочия для совершения или для облегчения совершения преступлений, их трудно уличить в причастности к совершению преступлений, они используют свой служебный статус, в том числе депутатскую или иную неприкосновенность. В уголовно-правовом отношении – это организованные преступные группы, террористические сообщества, преступные сообщества, террористические организации, в том числе и международные террористические организации. В Дагестане они формировались как «джамааты» с террористическими ячейками по территориальному принципу.

Особенностью второго этапа влияния коррупции на терроризм является то, что преступные группы создают условия для, так называемой, «системной» коррупции, цель которой заключается в постоянном извлечении преступных доходов в определённой сфере с использованием коррупционных связей. Такие группы также заключают теневые соглашения с официальными коммерческими и иными предприятиями или создают собственные законные предприятия для прикрытия неправомερных операций, в том числе «отмывания» их нелегальных доходов.

Блокирование терроризма и организованной преступности принимает форму прямого сращивания, где организованная преступность нередко играет роль иницилирующего (определяющего) фактора по отношению к структурам терроризма. При этом организованная преступность – это форма преступности, для которой характерны также связи с государственными структурами, основанными на коррупционных механизмах [8].

Как известно, в последние десятилетия в Северо-Кавказском регионе и, в особенности, в Республике Дагестан в террористических структурах нередко фигурировали лица с высоким служебным положением, которые длительное время безнаказанно совершали в республике и за её пределами дерзкие преступления, прикрывая террористическую деятельность. Необходимо отметить, что в настоящее время положение коренным образом изменилось. В отношении многих высокопоставленных чиновников возбуждены уголовные дела, которые либо рассмотрены судами общей юрисдикции [9], либо находятся в производстве следственных подразделений ФСБ, МВД и СК РФ. Среди них есть высшие должностные лица республики, должностные лица администраций городов и районов, депутаты законодательных и местных представительных органов, сотрудники правоохранительных органов и др.

Так, только наличием коррупционных связей среди лиц, занимающих высокое должностное положение и имеющих огромное влияние на процессы, происходящие в регионе, можно объяснить длительное существование в Республике Дагестан одной из самых кровавых террористических групп на территории Российской Федерации, так называемой диверсионно-террористической группы «Гимринская». Главарём этой группы был нейтрализованный силовыми структурами в ходе спецоперации в 2012 году в пригородном посёлке г. Махачкалы Семендере Ибрагим Гаджидадаев, принимавший участие в боевых действиях против федеральных сил в 90-е годы прошлого века в Чеченской Республике. Примечательно, что в ходе спецоперации по нейтрализации данной группы, несколько лиц, занимающих высокое служебное положение на республиканском уровне, предприняли попытку организации массовых беспорядков для отвлечения сил и средств правоохранительных органов, задействованных в проведении спецоперации.

Исследование показывает также, что коррумпированные связи террористических структур способствуют воспроизводству терроризма.

Вместе с тем, наличие связей с террористической группой дает возможность коррупционерам долговременно замещать свои должности, при этом террористов используют для оказания давления на политических противников путём применения шантажа, провокаций, угроз и других форм насилия.

Сохраняющийся высокий уровень коррупции в органах власти и силовых структурах является одним из детерминирующих факторов современного терроризма. Подтверждением данной гипотезы служит тесная корреляция данных о террористической активности в регионах страны с показателями коррупционности. Например, по результатам серии экспресс-опросов, которые были проведены информационным агентством «Caucasus Times» в столицах 6 республик Северного Кавказа и посвящались анализу ситуации с коррупцией в регионе и отношения населения к этой проблеме, установлено, что более 80% респондентов лично сталкивались с коррупционной практикой. При этом результаты опросов в столицах Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чечни, Дагестана, Северной Осетии и Ингушетии показали, что наиболее коррумпированными структурами в своих республиках население северо-Кавказского региона считает местные правоохранительные органы (53% респондентов)* [11, с. 38].

Как отмечают Ш.М. Магомедов, Л.В. Иванникова и М.В. Каратаев, «коррупция в органах государственной власти и силовых структурах является питательной средой развития терроризма, выступая, с одной стороны, как необходимая причина его возникновения, а с другой – как неотъемлемое условие существования» [11, с. 38]. Не победив коррупцию, невозможно ожидать сколько-нибудь серьезных успехов в деле борьбы с терроризмом. [10, с. 70].

Принимая во внимание тот факт, что Северный Кавказ на протяжении последних 25 лет традиционно остается эпицентром российского терроризма, указанные факты говорят о тесной связи терроризма с распространением коррупционных процессов в регионе.

Помимо экономического контекста во взаимосвязи терроризма и коррупции имеются и политические, то есть получение относительной защиты с использованием политического лобби. Эта связь осуществляется опять же посредством организованной преступности через такой признак, как защита от позитивных форм социального контроля** [12, с. 219], что требует отдельного исследования.

Как видим, связь терроризма и коррупции далеко не столь однозначна и проследить ее наличие можно только через изучение этих явлений в динамике и в соотношении с другими подобными явлениями, посредством которых и существует их взаимное влияние.

Таким образом, коррупция и организованная преступность являются источниками материального обеспечения терроризма. Эффективное противодействие коррупции и организованной преступности оказывает существенное позитивное влияние на состояние терроризма в обществе.

В целях противодействия этим опасным

* URL: http://www.nisse.ru/business/article/article_860.html?effort=2. (дата обращения: 03.05.2019).

** URL: <http://NEWSu.com> (дата обращения: 03.05.2019).

явлениям в Российской Федерации сформирована достаточная нормативная правовая база.

Так, в Конституции Российской Федерации содержатся конституционно-правовые нормы, которые направлены на обеспечение защиты охраняемых законодательством объектов от противоправных проявлений, особенно от таких опасных явлений, как коррупция и терроризм. В соответствии с частью 3 статьи 4 Конституции РФ Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории. А в части 3 статьи 5 Конституции РФ сказано, что федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации.

Конституция РФ (часть 5 статья 13) запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Конституция РФ также предписывает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (часть 3 статьи 17); государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (часть 2 статьи 19); каждому гарантируется свобода мысли и слова (часть 1 статьи 29) и вместе с тем не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (часть 2 статьи 29). Можно привести ещё ряд конституционно-правовых норм, прямо или косвенно направленных на противодействие терроризму, экстремизму и коррупции.

Если в конституционно-правовых нормах содержатся общие принципы и направления противодействия терроризму и коррупции, то непосредственная ответственность за совершение преступлений террористической направленности с использованием коррупционных связей предусмотрена в уголовном законодательстве. Так, согласно части 2 статьи 205.1 УК РФ деяния, предусмотренные в

части 1 и 1 прим. данной статьи, совершённые лицом с использованием своего служебного положения, наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет со штрафом в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трёх до пяти лет либо без такового, или пожизненным лишением свободы.

В первой части данной статьи предусмотрена ответственность за склонение, вербовку либо иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из следующих преступлений, предусмотренных статей 205.2, частями первой и второй статьи 206, статьёй 208, частями первой – третьей статьи 211, статьями 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, вооружение или подготовку лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений.

Во второй части данной статьи предусмотрена ответственность за склонение, вербовку либо иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статей 205, 205.3, 205.4, 205.5, частями третьей и четвёртой статьи 206, частью четвёртой статьи 211 УК РФ, вооружение или подготовку лица в целях совершения данных преступлений, а равно финансирование терроризма.

Вышеуказанные деяния, совершённые с использованием лицом своего служебного положения, образуют коррупционные составы, предусмотренные частью третьей статьи 205.1 УК РФ.

Кроме того, в пункте «м» части 1 статьи 63 УК РФ как обстоятельство, отягчающее наказание, предусмотрено совершение преступления с использованием доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения или договора.

С объективной стороны, использование служебного положения может быть выражено в форме действия или бездействия и представляет собой совершение (несовершение) лицом действий, которые входят в его служебную компетенцию либо использование связей по службе, авторитета и значимости занимаемой должности.

Как отмечено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, под использованием служебного положения следует понимать использование лицом своих властных или иных служебных полномочий, форменной одежды и атрибутики, служебных удостоверений или оружия, а равно сведений, которыми оно располагает в связи со своим служебным положением. Лицо это может состоять на службе как в государственных, так и в негосударственных организациях или учреждениях [13, с. 1].

Исследование показывает, что использование служебного положения выражается в создании и организации террористических структур с использованием служебных полномочий, в том числе в коммерческой или иной организации; в непосредственном участии в совершаемых ими преступлениях; протекции деятельности террористов; содействии, в том числе в укрытии совершаемых ими

преступлений, воспроизводстве численности группы, использовании его в своих политических целях, в том числе для запугивания оппонентов во время избирательной кампании и т. д.

При этом целью таких связей для террористических формирований является получение своевременной информации-наводки или информации-предупреждения от коррупционера, средств и орудий для осуществления преступной деятельности, получения содействия в переделе сфер влияния организованной преступности, лоббирование своих интересов в законодательной, судебной и исполнительной власти, а также приобретение протекции в правоохранительных органах для прикрытия преступной деятельности и т. д.

Для коррупционеров же связь с террористическими структурами создаёт условия для лёгкого обогащения, позволяет получить доходы от незаконного оборота наркотиков, фальшивомонетничества, нелегальной торговли оружием, легализации преступных доходов и т. д.

Между распространённостью коррупции и терроризма имеется взаимная связь — чем выше уровень одного из этих явлений в том или ином регионе, тем благоприятнее почва для развития другого. Борьба с коррупцией является одним из основных криминологических мер снижения уровня террористической активности в определённой территории и наоборот.

Таким образом, блокирование терроризма и коррупции принимает форму прямого сращивания, которое проявляется в следующих направлениях:

- коррупция способствует организации террористической деятельности, коррумпированные государственные структуры используются в террористических целях;

- коррупция способствует осуществлению террористической деятельности на всех стадиях организации, планирования, подготовки, финансирования и реализации террористического акта; подстрекательству к террористическому акту; организации незаконного вооруженного формирова-

ния, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта и участия в такой структуре; вербовке, вооружению, обучению и использованию террористов; информационному или иному пособничеству в планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганде идей терроризма, распространении материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности;

- коррупция служит источником финансирования терроризма;

- терроризм создает условия для, так называемой, «системной» коррупции, цель которой заключается в постоянном извлечении преступных доходов в определённой сфере;

- коррупция нейтрализует усилия государственных органов по борьбе с терроризмом;

- коррупция способствует получению относительной защиты от преследования с использованием политического лобби;

- террористические структуры путем применения психического и физического насилия в отношении политических противников коррупционеров способствуют долговременному сохранению их на своих должностях, в том числе и на выборах.

Указанный перечень не является исчерпывающим.

В связи с этим, противодействие как терроризму, так и коррупции актуально в плане взаимного позитивного влияния на минимизацию опасных последствий от этих явлений.

В заключение можно сделать вывод о том, что правильная государственная политика в области противодействия коррупции и организованной преступности, способствует активизации противодействия терроризму и существенному сокращению его воспроизводительного потенциала.

Литература

1. Магомедов Ш.Б., Алиева М.Н. Международно-правовой механизм противодействия коррупции // Юридический вестник ДГУ. Махачкала, 2018. № 2. С. 10–13.
2. Виклюк А.М. Российский и зарубежный опыт противодействия организованной преступности // Экономика, государство, общество: электронный журнал. Вып. 3. 2010. URL: <http://ego.uapa.ru/authors/36> (дата обращения: 03.05.2019).
3. Долгова А.И. Коррупция как криминологическая проблема и система правового регулирования борьбы с ней // Меры противодействия коррупции: проблемы разработки и реализации: материалы научно-практического семинара. Барнаул, 2009. С. 30–35.
4. Грачев С. И. Терроризм и его активная интеграция с организованной преступностью в условиях глобализма // Российский следователь. 2007. № 18. С. 12–15.
5. Овчинникова Г.В. Терроризм: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе» / науч. ред. проф. Б.В. Волженкин. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 1998. С. 41–44.
6. Кимлацкий О.А. Особенности и тенденции развития современного терроризма в России // Аналитический вестник Совета Федерации. 2010. № 15 (401). С. 8–11.
7. Сайдаев И. Является ли коррупция одной из причин экстремизма молодёжи и общества? URL: <http://islam.ru/content/analitics/45145>. (дата обращения: 3.05.2019).

8. Большой юридический словарь / под ред. проф. А. Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2007. VI. С. 658.
9. Архив Верховного суда РД. Уголовные дела №№ 2 – 40/2012; 2-21\11 ; 2-24\12; 2-10\11; 2-12/11; 2-12/2012; 2-20/12; 2 – 17/2012.
10. Грачев С.И., Морозова А.С. Коррупция как фактор существования терроризма // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 1 (19). С. 70–73.
11. Магомедов Ш.М., Иваницкая Л.В., Каратаев М.В. Коррупция как причина, условие и сопутствующий фактор современного Российского терроризма // Вестник Российской академии естественных наук. №2, 2016. С. 35–41.
12. Кириллов И.А., Ступина С.А. Терроризм и коррупция: взаимосвязь и соотношение // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2011. №1(9). С. 216–220.
13. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 17 янв. 1997 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Magomedov Sh. B., Alieva M. N. Mezhdunarodno-pravovoi mekhanizm protivodeistviya korruptsii // Yuridicheskii vestnik DGU. Makhachkala, 2018. № 2. S. 10–13.
2. Viklyuk A.M. Rossiiskii i zarubezhnyi opyt protivodeistviya organizovannoi prestupnosti // Ekonomika, gosudarstvo, obshchestvo: elektronnyi zhurnal. Vyp. 3. 2010. URL: <http://ego.uapa.ru/authors/36> (data obrashcheniya: 3.05.2019).
3. Dolgova A.I. Korruptsiya kak kriminologicheskaya problema i sistema pravovogo regulirovaniya bor'by s nei // Mery protivodeistviya korruptsii: problemy razrabotki i realizatsii: materialy nauchno-prakticheskogo seminar. Barnaul, 2009. S. 30–35.
4. Grachev S. I. Terrorizm i ego aktivnaya integratsiya s organizovannoi prestupnost'yu v usloviyakh globalizma // Rossiiskii sledovatel'. 2007. № 18. S. 12–15.
5. Ovchinnikova G.V. Terrorizm: Seriya «Sovremennye standarty v уголовном праве i уголовном protsesse» / nauch. red. prof. B.V. Volzhenkin. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo yuridicheskogo instituta General'noi prokuratury RF, 1998. S. 41–44.
6. Kimlatskii O. A. Osobennosti i tendentsii razvitiya sovremennogo terrorizma v Rossii // Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii. 2010. № 15 (401). S. 8–11.
7. Saidayev I. Yavlyaetsya li korruptsiya odnoi iz prichin ekstremizma molodezhi i obshchestva? URL: <http://islam.ru/content/analitics/45145>. (data obrashcheniya: 3.05.2019).
8. Bol'shoi yuridicheskii slovar' / pod red. prof. A. Ya. Sukhareva. 3-e izd., dop. i pererab. M., 2007. VI. S. 658.
9. Arkhiv Verkhovnogo suda RD. Ugolovnye dela №№ 2 – 40/2012; 2-21\11 ; 2-24\12; 2-10\11; 2-12/11; 2-12/2012; 2-20/12; 2 – 17/2012.
10. Grachev S.I., Morozova A.S. Korruptsiya kak faktor sushchestvovaniya terrorizma // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2015. № 1 (19). S. 70–73.
11. Magomedov Sh.M., Ivanitskaya L.V., Karataev M.V. Korruptsiya kak prichina, uslovie i soputstvuyushchii faktor sovremennogo Rossiiskogo terrorizma // Vestnik Rossiiskoi akademii estestvennykh nauk. №2, 2016. S. 35–41.
12. Kirillov I.A., Stupina S.A. Terrorizm i korruptsiya: vzaimosvyaz' i sootnoshenie // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2011. №1(9). S. 216–220.
13. O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za banditizm: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Ros. Federatsii ot 17 yanv. 1997 g. № 1. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Kon-sul'tantPlyus».

Поступила в редакцию 19 июня 2019 г.
Received 19 June, 2019